

18+

Валентина
Нестерова

Доног

История
о фантастической
силе любви

Валентина Нестерова

**Донор. История о
фантастической силе любви**

«Издательские решения»

Нестерова В.

Донор. История о фантастической силе любви / В. Нестерова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-519319-3

Когда останешься без мужа, с ребёнком на руках и болью в сердце, попробуй сочинить мир, о котором можно только мечтать. Считающая себя неудачницей Дарья Сойкина так и сделала. Узнав, что по ту сторону Солнца на одной оси с нашей Землёй находится планета Глория, дала волю фантазии, написала сценарий о жизни на небесной двойняшке-сестре, чем осчастливила не только себя, но и подарила надежду на лучшую жизнь тем, кто ей поверил...

ISBN 978-5-00-519319-3

© Нестерова В.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая. Вирус Авгура	6
*Женщина неадекватной ориентации...	6
*Есть в сумерках блаженная свобода...	8
*Спираль с историей зло пошутила...	9
*Технический секс оскопляет мужчину...	11
*Порочное зачатие...	13
*О заветной и запретной любви...	15
*Любовь все раны залечит...	17
*В состоянии тихого целомудрия...	18
*Абсурдный поцелуй...	19
*Журналисты те же алхимики...	21
*В зеркалах альфа звезды...	23
*Любовь умножается делением...	25
*Мы в ответе за тех, кого сочинили...	27
*Я слушал пение русалки...	28
*Кто восход солнца увидит...	29
*Узники замка Миф...	31
*На Глории ждут конца тьмы...	33
*Что в раю, что в аду, одинаково...	35
*Люди хотят чудес...	36
*Песок в пустыне больше чем песок...	37
*Щенок под левой лопаткой...	38
*Дождь, мечтающий о капле воды...	39
*Так бывает только в романах...	40
*Жизнь холодный термоядерный синтез...	41
*Слонёнок по имени Моё Большое Счастье...	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Донор

История о фантастической силе любви

Валентина Нестерова

Тем, кто на протяжении моей долгой жизни дарил мне добрые мысли, красивые чувства, заботу и любовь, посвящаю...

Художник Игорь Анисифоров

© Валентина Нестерова, 2020

© Игорь Анисифоров, художник, 2020

ISBN 978-5-0051-9319-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая. Вирус Авгура

*Женщина неадекватной ориентации...

На экране памяти вспыхнула вчерашняя сценка.

– *Слышала, новость? Шейхи решили вкладывать деньги в киноиндустрию*, – плотоядно, оправдывая прозвище «Папа Карло», уставился на неё Карл Маркович.

– Я тут причём? – замерла от предчувствия она.

– *Притом, что придуманный тобой алхимик в глазах зрителей может исправить имидж Востока, о чём я сообщил одному халифу*.

– И что?

– *Собирайся в дорогу!* – пригладил пышную шевелюру продюсер. – *Спонсор запросил встречи с тобой*.

– У меня нет заграничного паспорта, – представив толстущего старика в чалме, заупрямилась она.

– *Халиф строит подводный отель в Синегорье. Обещал тебя встретить. Без чека с семью нулями не возвращайся!*

– В Синеморье? – тревожно замерло сердце.

В этом маленьком посёлке у Чёрного моря она когда-то встретила свою первую и пока единственную любовь...

В аэропорту Адлера её ожидал высокий и тонкий как жердь, смуглолицый араб лет сорока, который оказался всего лишь шофёром халифа. На ломаном русском сообщив: *шейх на дне, просил подождать*, открыл дверцу скромной снаружи машины.

Шейх и на дне показались ей понятиями несоразмерными, в какой-то мере даже одиозными, но, чтобы не распалить своё воображение, она взялась рассматривать салон. Погладила похожую на шёлк кожу сидений. Вдохнула прохладный воздух с ароматом жасмина. Разглядев бар с гнёздами заморских бутылок, протянула руку, чтобы взять одну из них, прочитав наклейку, но в зеркале над рулём поймала уличающий взгляд шофёра, его зрачки были похожи на замочные скважины, в которые он подсматривал за ней.

Пришлось виновато сцепить на коленях пальцы...

Эта вечная виноватость!

С пелёнок!

С детского сада.

Четыре чёрненьких чумазеньких чертёнка чертили чёрными чернилами чертёж! – подняв с растопыренными пальцами руки, пугала детей воспитательница.

А она из добрых побуждений в ответ: *пять пухлых поросят пасли в пустыне плюшки...*

И приговор: стоять лицом к стене весь тихий час!

Она послушно стояла, потом, стоя уснула, упала, с перепуга расплакалась.

Дети проснулись, подняли гвалт.

Воспитательница из детсада исчезла.

А она укрепилась в мысли: добрые считалки сильнее зла.

Может, поэтому и, став взрослой, решила в пику заселившим экраны и книги вампирам, сочинить образ Донора, пусть даже инопланетного...

Хотя, кто знает, как воспримет мой демарш этот шейх?!

Вдруг заявит: женщине неадекватной ориентации свои миллионы доверить не могу!

И...

Не кинется же она ему объяснять, что у Земли есть двойняшка по имени Глория. И что она, узнав об этом, неделю спать не могла, думала, вдруг там живёт Дарья Вторая с копией бывшего мужа и дочерью Ирис-2?

Обыскала Интернет, оказалось, о существовании за Солнцем анти-Земли знали ещё в Древнем Египте; древнегреческий философ Филолай вычислил невидимку с помощью математики; а директору Парижской обсерватории Кассини за протуберанцами светила выпало счастье лично наблюдать «незнакомку».

Позднее небесной родственницей заинтересовались астрофизики.

За ними пришло время лириков, точнее, сценаристов с ки-не-ма-то-гра-фи-ста-ми...

Машина шейха, не вписавшись в крутой поворот, стала биться о придорожные столбики.

Неужели конец?

В зеркале мелькнул убийственный взгляд шофёра.

Или показалось?

Секунда вечности.

Что-то хвостатое перебежало дорогу, руль одумался...

– Султан, – невозмутимо изложил версию происшествия водитель.

***Есть в сумерках блаженная свобода...**

Через минуту машина остановилась у невзрачной гостиницы.

Вытащив из багажника полупустую дорожную сумку, шофёр вручил ей визитку шейха и с чувством исполненного долга нажал на газ.

Номер для Дарьи Сойкиной был забронирован.

По осколкам ступенек она поднялась на второй этаж, открыла комнату, и...

Зеркало с пятнистой амальгамой у входа поймало её лицо.

– Привет! – нервно принялась она рассматривать своё отражение. – Я как я, и волосы мои с голубой патиной, за что в школе пришлось носить обидное прозвище Мальвина. Давно не знавшие поцелуев губы, тоже мои. И нос... почти точёный, и телосложение – мечта поэта. Тот, кто сказал: худая корова не стройная лань, был прав. А вот глаза... не мои!

Такое не раз случалось: её отражение вдруг обретало собственный взгляд, через который лилась незнакомая сила, и она открывала в себе новые черты, а мысли находили иные русла...

Но никогда раньше не менялся цвет глаз.

Они у неё в отца... сумрачные, чему он был рад, как «Отче наш» повторяя: *Есть в сумерках блаженная свобода от явных чисел века, года, дня...*

Но!

Гостиничное зеркало смотрело на неё скорее предрассветными глазами...

– Что это значит? – спросила она.

Ответа не последовало.

– Хочешь сказать: всё только начинается? Ладно, молчи. А я, пока спонсор *на дне*, вспомню, с чего начался мой роман...

И...

Усевшись в неожиданно новое кресло, вытащила из дорожной сумки папку с файлами, похожими на черновики: исписанными вдоль, поперёк и по диагонали.

С верхнего угла первого файла на неё покосился вампир Марс, клыкастую улыбку которму она пририсовала во время размышления над прологом.

В тот день красная планета действительно подлетела к Земле очень близко и, скорее всего, сыграла свою тайную роль.

Читать было не обязательно, первые строчки она знала наизусть...

*Спираль с историей зло пошутила...

«...Была ночь перед смертью, а президент Куш думал: всего-навсего ночь перед интервью. Что-то ломало его изнутри. Боже упаси, он не употреблял гашиш. Власть, секс и деньги – были его наркотиками, умевшими материализовать любые иллюзии. И всё же какая-то бесполовая, беззубая, но мускулистая тварь заползла под кожу, выкручивала кости, сжимала вены.

Бессонница...

Рядом мирно посапывала жена. Шёлковая простыня интимно облегла холмы и холмики её нестареющего тела. Впрочем, по сравнению с ним она ещё девочка, ей только тридцать, а ему скоро пятьдесят.

Боль клубком свернулась под правым ухом. Слава Богу, он вспомнил приговор дантиста: зуб мудрости решил появиться на свет, подарком прорезаться к полувековому юбилею!

Десна раскалывалась, будто кто-то опаздывающий на поезд, локтями расталкивал на перроне толпу.

Нет! Скорее кого-то по ошибке похоронили живьём, и он, очнувшись, принялся грызть крышку гроба. Боль именно была грызущей.

Куш со всего размаха пришлёпнул к щеке ладонь...»

Дарья попробовала представить: как показать на экране зубную боль?

Но мысль: *возомнишь себя режиссёром, отлучат от киносъёмки!* – остудила, и она вернулась к знакомым строчкам...

«...Универсальное средство от любой хвори – секс, даже мысль о нём целебна, ибо, по словам министра здравоохранения, вырабатывает гормон удовольствия. А уж сам процесс! Стоило ему зайти в овальный кабинет, как боеголовка его сексуальной пушки тут же находила цель. Женщины зубами растёгивали брюки.

Кикиморы сексуальные! С ними свяжись! Тут же побегут интервью давать!

Куш готов был поспорить: мысль родилась не в его голове, поймалась случайно.

Или не случайно?

Странной энергией обладает слово «интервью». Одна блондинка, чьи любовные стоны ещё хранит овальный, так и хочется сказать *оральный*, кабинет, только призналась, что хочет сообщить миру *ничто*, как тут же была убита. Вслед за ней небеса прибрали и убийцу, правда, с тех пор спираль прибавила виток...»

Спираль с историей зло пошутила – оказалась ненадёжным противозачаточным средством, из-за чего бедняжке Клио приходится беременеть сюжетами-близнецами, — на секунду оторвавшись от текста, не отказала себе в удовольствии заметить Дарья.

«...Другая соблазнительница, шатенка, успела донести на президента, а жизнь себе не только сохранила, но и приобрела дивиденды...

Куш заворочался: вдруг рыжеволосая Маргарет признается, что изменяла с ним своему мужу, министру обороны Кукишу?

Все они, женщины, дочери Евы, чуть что, сразу в слёзы: их соблазнили, а кто кого в грех вводит, надо ещё разобраться!

Думать о сексе расхотелось...»

Замечание Куша о Еве странным образом: *сама же написала!* Дарью задело.

«Не для того Творец первую женщину из адамовой кости создал, чтобы в раю похоть тиражировать!» – резко возразила она своему персонажу.

«...Утехи войны слаще радостей плоти, – утешил себя президент, – чем скорее задержат алхимика, тем больше шансов у меня переизбраться на второй срок.

Разведка донесла: в оазисе Ахрама автомобили не имеют бензобаков, самолёты взлетают не на керосине, лампочки горят без проводов. Вывод: алхимик владеет новым видом энергии. Главное, не проговориться об этом «потрошителю мозгов» Ритасу, а также настроить против наглого журналюги министра обороны, заодно предупредить, чтобы не строил глазки Саре, а та и рада!

Преданность – негатив предательства, при определенных химических процессах, разумеется...»

Пока президент мается бессонницей, зрители в зале заснут! – по-дружески предупредила её мысль-пересмешница.

– Не заснут, – возразила Дарья.

Вообще-то она любила свои мысли-тёзки, мысли-птицы, точнее говоря, мысли-сойки, которые изредка возвращали её из полёта мечты на суровую, но правдивую землю. И хоть их колючие замечания не ласкали ей уши, она заставляла себя прислушаться к ним. Но в этот раз, обидчиво проигнорировав подсказку, вернулась к тексту...

***Технический секс оскопляет мужчину...**

«...Кто осудит его за Марго и других женщин, разделявших с ним быстрый секс?

Мистики говорят: время ускорило бег.

Хоть партию СНСР (секс на скорую руку) создавай!

Народ жаждет безопасного наркотического опьянения.

Впрочем, не такого уж и безопасного, учёные доложили: технический секс выхолащивает, оскопляет мужчину, нелюбимая женщина выпивает его до дна, несколько неразборчивых связей и он – пустой сосуд.

Куш отнял ладонь от щеки, зажёл ночник, полез в тумбочку за дневником, куда как в унитаз, сливал «не переваренные» мысли, чтоб не случилось запора в голове.

Ручка задрожала, будто застоявшаяся в загоне кобыла, рванула, выбрасывая из-под копыт искры строчек.

Исследования показали: ген удовольствия исчезает из хромосомной цепочки. Не отсюда ли растёт виртуальная мастурбация желаний? Завтра соберу консилиум...

Рука безвольно опустилась, предчувствуя: *завтра* не случится.

Не понимая, что происходит, Куш вперил взор в хрустальный шар светильника, в котором плавало его отражение: смоляные, кустистые брови в форме шалашей, где можно спрятать что угодно, даже мысли; краснобокие яблоки глаз...

И зачем только он согласился на интервью в прямом эфире?!

«Не позолотит тебя людоед-журналист, представит оловянным солдафоном», злопыхательски заметил зуб мудрости.

– Не выйдет! Куш значит: выигрыш! Воплощение народной мечты! А поджарить мечту миллионов, кукиш ему! – огрызнулся президент.

Его ноги, путаясь в простынях, исполнили оптимистическую жигу. В ответ произошло шевеление в стане жены: очаровательные холмики передислоцировались, заняли оборону. *Иметь жену-нимфетку божье наказание*, страдальчески покосился он на целомудренные возвышенности.

И!..

Взрывная смесь зубной боли и недовольства женой выбросила его из постели.

Куш подошёл к окну, отёрнул штору. Краснокожий Марс приблизился к стеклу, подмигнул, мол, шестьдесят тысяч лет пришлось ему петлять по орбите, чтобы в ночь перед интервью дать знак: действуй!

– Воевать с женщиной? – поморщился Куш.

Впрочем, перед любой бабой змей-искуситель... беспозвоночный червь.

Алхимик падёт к ногам разведчицы, не может, не пасть!

А вот ему, Кушу, навешать собак на свою шею Марго позволить нельзя.

Грозит, что признается мужу Кукишу в адюльтере с ним, если он, президент Куш, не разведётся с женой...

Чтоб ещё когда-нибудь...

Никогда больше он не свяжется с женщиной, чьё имя начинается на букву «М»!

Учиться надо на чужих примерах...

Мерилин. Моника. Марго.

МММ!

Сексуальная пирамида какая-то!

Кстати, Марс тоже начинается с «М»!

Бог войны!

Так что, как говорится: кто кого?

В пампасах его души пронеслись броненосцы: бух, бух!

Холодный штормовой памперо подхватил, стиснув в объятиях ужаса.

В экране окна нарисовался Ритас, прищурился, надменно хохотнул: скажу по секрету, первой Бог сотворил женщину, затем из ребра её создал Адама, вернее, из двух рёбер, во имя музыки комедии Талии, поэтому мужчине надлежит быть двоежёнцем. Ха-ха!

– Не тронь святое! – зарычал Куш.

– Милый, ты репетируешь? – подала голос Сара. – У меня плохие предчувствия: журналист приставал ко мне, я ему отказала, как бы он не отыгрался на тебе...

– Ах, он, змей! – напряжился Куш. – Предлагаю назло ему сделать сына!

– Не сейчас, голова болит, – застегнула пуговицу на ночной рубашке Сара.

Куш готов был взречь.

Не зря!

Не зря... в хите сезона поётся: *Не женское это дело – любовь!*

Даже журналист Ритас встал на его сторону, завопил: *сын или смерть! смерть! смерть!*

– Сын! Сын! – в один прыжок оказался в кровати Куш...»

*Порочное зачатие...

«...Всё тайное – явь ноосферы, театра *ноо*, где персонажи носят маски, декорации условны, костюмы лишены бытовой конкретности, а герои – мысли и чувства без грима.

Желание Куша сделать сына достигло посмертного хосписа для бывших убийц, насильников, графоманов, магов, чей диагноз «активный негативизм» представлял угрозу иммунной системе планеты. Пациенты клинической резервации в наследники не метили, лишь Адрон, почуяв запах судьбы: *не часто президенты делают законных детей!* – выпутался из шлангов капельниц, оглянулся, увидел метастазы, дирижирующие похоронным оркестром, и... категорически решил спастись!

Да, успел покурлесить, был катом, пиратом, служкой жреца, в чьём воплощении услышал пророчество: когда любовь покинет людей, последуй примеру бога Урана, из нескольких капель крови которого, на свет появилась богиня любви Афродита!

Дай, папенька, мне шанс исполнить пророчество, пусть даже зачатие будет порочным, – понеслась к будущим берегам алчущая жизни душа Адрона.

Кровь Куша загорелась, несметными полками пошли в атаку андрогены.

Раненый взгляд Сары не мог остановить его, треск разорванной сорочки опалил новым пламенем, он навалился на жену в желании утопить её плевком восставшей плоти, избавиться от семени, которое сам зачал.

«Молодец, папочка! Давай! Какие скорости! Кружится голова. Ура! Ты сделал дело! Прощай, старик!»

Откинувшись, президент захрипел.

Его помутившийся взгляд поймал в окне ухмылку Марса, удаляющегося пьяной походкой. Боль под ухом прошла. И вялый язык, прежде чем вывалиться изо рта, нащупал наконец-то появившийся из десны зуб мудрости.

Свершилось!

Мозг выдал последнюю мысль: *мой сын отомстит за меня, Ритас!*

Изнасилованная мужчиной, которого считала ручным, Сара хотела умереть.

Но, увидев остекленевшие глаза мужа, подняла крик...»

Помимо воли Дарья вспомнила глаза отца.

В тот вечер ей, влюбившейся в соседа по парте третьекласснице, позарез нужно было посекретничать с самой яркой на небе звездой, тогда она ещё не знала, что Сириус – инкубатор фантазий, выбежала на балкон, и...

Отец сидел перед мольбертом, привалившись к стене.

«Пап, иди, чаю попей...» – начала она и осеклась, почувствовав: он не слышит её.

Смотрит в небо, глаза блестят, как звёзды, и... ноль внимания.

Такого никогда не было.

«Па-а-ап...»

Его окостеневшие пальцы не выпустили колонковую кисть, так их и похоронили вместе...

– Он был художником пространства, – пьяненько всхлипнул на кладбище кто-то из бывших коллег.

– А жёнам нужны зарплаты...

– Быт убивает творцов...

Минор казался фальшивым.

Только прилетевшая из Москвы папина сводная сестра со странным именем Аэлита Сергеевна была искренней: молча стояла у гроба, пока не заколотили, не зарыли его в земле.
И не стало отца...

*О заветной и запретной любви...

– Зови меня АЭС, как атомную станцию, а захочешь познакомиться с папиной юностью, приезжай, – украдкой сунула москвичка записку с адресом, как завещание, шепнула, – никогда не думай о том, что будет потом...

– Не слушай эту сумасшедшую, не сестра она твоему отцу, – приказала мать.

– Сохрани себя, – проигнорировав злобность законной вдовы, вытащила изо рта не раскуренную трубку, крепко поцеловала её в щёку тётушка и исчезла, чтобы появиться через череду долгих лет.

Дарья вспомнила о ней, когда остаться с мужем значило убить душу, растоптать достоинство. Взяла пятилетнюю дочку, и в Москву.

Ириска хвостиком увивалась за похожей на фею бабушкой, которой за *сто лет* службы на телевидении любой закуток представлялся светлицей с сюжетами, забавно разыгрываемыми ею в лицах.

А она в ту поездку узнала о заветной и запретной любви отца.

Не могла оторвать взгляда от его акварели, где по синему морю рядами шли буруны, и было видно, как под водой бурлит иная жизнь.

– Надо уметь летать, чтобы это увидеть...

– Твой отец и летал, – не дала закончить ей фразу Аэлита Сергеевна, – и видел то, чего другие не видели; каждый миг жизни превращал в праздник.

– А девиз Ада: день без денег – бездельник, – с горечью призналась она.

– Чужой он тебе, радуйся, что расстались, – обняла её АЭС и призналась, – а я твоего отца, Дарья Кирилловна, звала Киром Великим, завоевателем Вавилона.

– Почему, Вавилона?

– Стыдно признаться, но Вавилонской башней была я. Во-первых, потому что служила на телевидении, во-вторых, потому что хотела дорасти до небес. И, главное, потому что Кир завоевал моё сердце своим талантом и добротой. Я часто звонила ему. Он говорил: ты похожа на него, и очень за тебя боялся...

– Тогда... почему... умер?

– Пошёл на стройку маляром, на третий день позвонил, сказал: *я Творца предал*, а вечером... как чувствовала, куда только ни звонила...

Стало понятно: Аэлита Сергеевна до сих пор верна своей любви, а она, Дарья, будто второй раз похоронила отца.

Почему мужчины уходят от неё?

Сердце перекочевало в горло.

Валидол не помог.

– Завтра на передачу врача пригласили, словом лечит, познакомлю тебя с ним, попрошу твоему сердцу помочь, – приняла решение тётушка.

– Ура! Ура! Меня по телевизору покажут! – от радости запрыгала на одной ножке Ирис. И раньше всех проснулась, поела без капризов.

И её предчувствие праздника оправдалось: в гримёрке АЭС представила внучку известной ведущей.

– Хочешь стать артисткой? – спросила она.

– Хочу! – разругнулась Ирис.

– Тогда каждое утро умывайся холодной водой, приговаривая: матушка, водичка, умой моё личико, чтобы глазки блестели, щёчки розовели, улыбался роток, кусался зубок!

И!

Впоследствии не было утра, чтобы Ирис не исполнила этот обряд.

Вот её мечта и сбылась: с ходу поступила в театральный институт, впереди – одна из главных ролей в фильме по сценарию матери...

***Любовь все раны залечит...**

А поверивший в алхимию слов дипломированный старичок-врач помог ей, Дарье, справиться с тахикардией.

– Иван Иванович Слово, – представился при знакомстве. – Согласитесь, при такой фамилии мне на роду написано исследовать уникальнейшее средство связи между Богом и людьми, которые, к сожалению, не верят в чудодейственную силу слов, используют их вместо пустышек, довольствуются имитацией...

– В моём случае слова не причём: от меня муж ушёл.

– Все катаклизмы происходят оттого, что нелюбимые боятся уйти от нелюбимых, – спрятал грустный взгляд за стёклами круглых очков Иван Иванович.

– И что мне делать? – снова в горле забилося сердце у Дарьи.

– Перехватите левой рукой правую руку повыше запястья, покрепче, пусть больно будет, скажите: *я люблю*.

– Не говорится.

– А вы вспомните ситуацию, лучше из детства, в которой были счастливы, жизнь казалась сказкой, вернитесь в неё, сердцем скажите: *люблю*.

– Кажется, получается, – мысленно перенеслась она на земляничную поляну, где рядом с отцом, лёжа на животах, они ртом срывали спелые ягоды.

– Всё-всё любите: землю, людей, звёзды, – гипнотически звучал голос доктора.

– Ирис и Сириус...

– Любовь всё знает, на все вопросы ответит, все раны залечит, а руку постепенно разжимайте, пусть боль уходит, и сердце поёт: *люблю*...

– Не поёт...

– Слово «доля» недаром из двух нот состоит: «до», «ля». Судьба на песню идёт, – качнул головой Иван Иванович, выдержал паузу, – главное, не позволяйте сердцу брать фальшивых нот.

«Как много лет во мне любовь спала» – робко, безголосо дрогнуло что-то внутри.

– И ещё, уж простите старика, если ваш муж не совпал с идеалом вашего сердца, не обижайтесь на весь мир, помните: ваш прототип где-то рядом, но чтобы узнать его, не пройти мимо, соберите все свои «я» воедино и полюбите их.

– Кажется, звучит... тихо-тихо, – растерянно призналась Дарья.

– Очистите сердце от мусора, запоёт во весь голос, – улыбнулся доктор-гуру.

«Ни в одном вузе не учат на сердечного дворника!» – строптиво подумала она.

Но обещанная встреча с личным счастьем, в переводе, с настоящей любовью снизила градус упрямства. И хотя разговоры о болезнях никогда не привлекали её, она осталась на запись передачи.

«Кабинет врача не станция техосмотра вашего тела, – с первых слов заставил слушать себя доктор Слово, – ваше сердце может стать идеальным целителем...»

Отвечая на вопросы, советовал...

«Если кто-то сошёл с твоего пути, пожелай ему счастливой дороги, и спроси у души: не пора ли и ей переключиться на другую волну?»

«Рай в душе, береги её...»

«От обиды страдает сердце, от гнева – печень, от страха – почки, от печали – бронхи. Алхимическое средство от всех болезней – добрый настрой...»

В общем, доктор Слово её впечатлил, извилины дружно повторяли настрой «я люблю!», и к вечеру сердце успокоилось, душа почувствовала себя почти счастливой...

***В состоянии тихого целомудрия...**

Дар воображения Дарья считала лучшим из всех талантов.

Импровизировать, мечтать, выдумывать...

Расходовать неутолённую страсть в творчестве.

Но!

Тело: зверь, время от времени нервно дрожит, будто дробь тамбуринов призывает его к любовному танцу...

Первый раз это случилось вскоре после развода.

Ночь, которую она никогда не забудет.

Не спалось.

Постель жгла.

Подушка жалила.

И вдруг гулкий удар, ещё один, ещё...

Будто в дремучей чаще ударил в бубен шаман; её плоть задрожала, подстроилась к ритуальному ритму, растворилась в нём, в экстазе покинула землю...

За все одинокие ночи уснула в состоянии тихого целомудрия.

Утром была счастлива, ленива: не хотелось понимать, что случилось.

Сварила кофе. Потянулась за томиком Лермонтова с «Демоном», он распахнулся, блеснул строчками: *Меня добру и небесам ты возвратить могла бы словом, твоей любви святым покровом одетый, я предстал бы там...*

«Меня добру и небесам ты возвратить могла бы словом!» – вслух повторила за любимым поэтом Дарья.

Посмотрела на часы: не так уж поздно, но спонсор явно не торопится.

Неужели цену себе набивает?..

С тревожной мысли сбил телефонный звонок: АЭС беспокоилась, как доехала, устроилась и, главное, не обманул ли Папу Карлу восточный денежный мешок?

– Доехала. Устроилась. Встреча со спонсором с минуты на минуту. Позвоню завтра. Чмокни на ночь Ирис.

– За мной воздушный поцелуй! – скороговоркой скорректировала просьбу тётушка и отключила связь.

Дарья вернулась к рукописи...

* Абсурдный поцелуй...

«Смерть президента потрясла страну.

Журналист Ритас вместо обещанного интервью с Кушем, объявил о решении министра обороны Кукиша вернуть всех солдат со всех войн.

Траур обернулся праздником.

Бывшие оппозиционеры вышли на улицы, скандируя: Слава смерти президента!

А Куш лежал в гробу под жёлтыми звездами флага и удивлялся: как это могло случиться с ним и страной?

Его вдова, закутанная в вуаль, будто в чадру, не отрывала глаз от бровей мужа. Весёлые и кудрявые в молодости, они доставляли много хлопот стилистам, которые для придания лицу умного выражения вылили на них, бог знает, сколько лака, мусса, косметической пенки, и всё безрезультатно, теперь, будто каюсь за прижизненное буйство, улеглись двумя безобидными волнами.

Но простить его она ещё не могла.

То, что он сделал с ней!..

Треск разорванной ночной рубашки стоял в ушах.

Ей казалось: с неё содрали кожу...

Низ живота в отчаянии заныл.

– Ты станешь матерью, – шевельнулось что-то в мякоти матки.

– Господи, я ещё и беременна? – побелевшими губами прошептала Сара.

– Предлагаю интервью в прямом эфире, – тут же предложил Ритас, слух которого мог улавливать даже не произнесённые слова.

– Хотите и моей смерти?

«Не ссорься с ним, мамуля, журналист нам ещё пригодится» – зрелым голосом заявил будущий сын.

«Я схожу с ума» – подумала Сара.

И тут же ответила себе: нет!

Так бывает!

Её сентиментальный муж превратился в зверя на пороге смерти, чтобы на этом же пороге подкинуть ей ребёнка, сына, свою мечту.

Зло иногда рождает добро.

И... отвращение проросло печалью, печаль заколосилась жалостью.

Она уже любила сиротливую клетку новой жизни.

Но Адрон не чувствовал себя безотцовщиной!

Он был покорён совершенством химических процессов построения собственного организма.

«Творец настоящий алхимик! – выдал мысль будущий лоб. – Лимфа принимает сигналы из космоса, несёт информацию в кровь. Кровь! О-о-о! Вся таблица химических элементов! И золото имеется? В человеке приблизительно десять граммов? А в семи миллиардах? Семьдесят тысяч тонн? Выгодный у тебя, Господи, бизнес – делать людей! Что говоришь? Любовь дороже золота? Не верю! Сам не раз покупал...»

Из левого глаза президента выкатилась слеза. В этом не было ничего странного, у хороших людей всегда выкатывается. Но слеза была тёмной, к тому же оставила на щеке жирный след.

– Куш плачет нефтью, – зашелестело в рядах.

Священник, подальше от греха, торопливо предложил попрощаться с покойным.

Первой подошла Сара, прошептала: спасибо!

За ней над телом покойного склонился министр обороны Кукиш: не столько из желания запечатлеть прощальный поцелуй, сколько из любопытства, чем на самом деле плачет бывший главнокомандующий вооруженными силами государства?

Лизнул сизый потёк.

Почмокал губами.

Застыл...

Провожающие ахнули, как они раньше не видели: Кукиш позитивный отпечаток Куша. Седой ёжик бывшего президента на голове военачальника отливал антрацитом, а знаменитые чёрные брови усопшего оттиснулись заиндевевшим мхом. Контраст цвета растительности, однако, не мог затмить и схожести черт лица. Те же квадратные лоб и подбородок. Прямоугольные щёки и носы. Тонкие, конспиративные губы. И даже фамилии!

Куш – выигрыш и проигрыш в один удар.

Кукиш – дуля, брань, сражение.

– Преемник налицо! – оживились извилины в голове Ритаса. – Власть любила Куша, охотно перейдёт по наследству его двойнику! Прямой эфир, сенсация, и шиш всем! – перепутав объекты, потянулся он поцеловать... министра обороны.

Кукиш отшатнулся...»

Дарья любила эту сцену. По её мнению актеру в ней было, где развернуться, сыграть абсурдный поцелуй так, чтобы зрители гадали: случайно или со смыслом Ритас выразил почтение не умершему президенту, а его вероятному преемнику?

Но, чтобы не погружаться в детали, перевернула страницу...

***Журналисты те же алхимики...**

«...Адрон знал, при рождении он забудет о своём побеге из небесного хосписа: плотные слои атмосферы, материальное тело и всё такое...

Но опыт предыдущих жизней есть опыт предыдущих жизней! Не надо было папёнке развязывать войну: проливать чужую кровь плохая примета, души убиенных вселяются в тела убийц, мстят изнутри: ковыряются в мозгах, студят кровь, поджаривают печень, тянут жилы, сводят судорогами мышцы, выращивают злокачественные клетки в потомках до седьмого колена.

Ритас! Вот кто должен изменить направление контрудара. Журналисты те же алхимики, мастаки с помощью атомов мироздания слов, превращать зло в золото!

Впрочем, владея атомистической технологией языка, которая опаснее ядерной и которую лингвисты считают антинаучной, он и сам сможет взойти на президентский трон!..»

«Не зря я назвала тебя в честь непредсказуемой элементарной частицы, доверила идею: принудить Ритаса, создать наиболее приближенный к реальности антипод моего неземного Адрона» – салютуя способности эмбриона рассуждать, вернулась к рукописи Дарья.

«...Заседание сената началось через час после поминок.

Бренность бытия расхолаживала.

Даже у оппозиции мускулы ослабли: заупокойный пирожок всегда найдётся, кому испечь. Исполнять обязанности президента доверили Кукишу, министру обороны.

Пусть обороняется!

Судьба Сары тоже была решена позитивно: жена за мужа не отвечает.

Величие нации в умении прощать не виновных!

Ритас хотел открыть глаза, окинуть взглядом членов правительства (непаханое поле серозёма), да вдруг вспомнил репетицию несостоявшегося интервью Куша, когда он по привычке оклеил студию заготовками сильных фраз, но!..

Глаза с языком потеряли синхронность, и, удивляясь себе, с ехидством ядовитого аспида он спросил: разделяете ли вы, господин президент, мнение, что человек человеку – тварь? Слава Богу, софиты были выключены, в студии ни души. И всё же страх сковал его: неожиданная концовка известной фразы превратилась в крюк незнакомого пыточного устройства, который, зацепив его под рёбра, стал раскачивать, заставляя чувствовать себя наживкой на уде таинственного рыбака.

«Тварь! Тварь! Тварь!» – закопошились в голове извилины.

Он попытался сорваться с крюка, раскачался до амплитуды размахом: жизнь – смерть, будто в соломинку, вцепился в Евангелие от апостола, который осмелился сказать: *В начале было Слово.*

Слово с большой буквы, будто имя.

Чьё?

Автора, сочинившего сценарий вселенского спектакля под названием «Жизнь», оригинал которого сначала исказили переписчики, потом, не осознав замысла, загубили режиссёры с актёрами?

И он, Ритас, любитель кривого толка, в их числе...

Прости! – застонало что-то в левой части груди.

Но пытка продолжилась.

– *Несостоявшееся интервью убило президента, ты отравитель!* – заползла в ухо склизкая тварь.

Он возразил: я не сказал ни слова!

– *За яд невысказанных слов ответишь перед судом!*

– У меня алиби: я жив! – нервно дёрнулась голова.

И вдруг сквозь надвигающийся гул он услышал нещадный голос: *проснитесь, заседание кончилось!*

С трудом разлепив глаза и увидев щетинистую пасть пылесоса, он попытался вытащить себя из кресла. Чёртова толщина: у людей обмен веществ, у него всё впрок, в запас, в закрома...

И чего расстроился?

Подумаешь, ну, спросил бы: человек человеку – тварь?

А Куш ответил бы: от червячка до человечка все вышли из рая.

И никакого яду...»

*В зеркалах альфа звезды...

«Если верить футурологам, инкубатор фантазий или рай расположен на Сириусе» – отвлеклась от чтения Дарья, удивилась: неужели благодаря генной памяти именно с самой яркой звездой неба у неё сложились родственные отношения?

Хотя, память не причём. Отец любил небо, а она любила слушать его рассказы о древних астрономах, тайнах Млечного пути, волшебных историях далёких созвездий. Именно от него она узнала, что Сириус в двадцать раз ярче Солнца, и у него есть спутник, горячий Белый Карлик, жаль, отец не представлял, что в зеркалах альфа звезды созревают фантазии инженеров генных структур. Теперь, наверно, знает. И радуется тому, что воображению его дочери Вселенная «по колено», а внучка носит имя, выкроенное из имени его любимой звезды.

Восемнадцать лет прошло, а будто вчера: подходило время рожать, с мужем договорились: сыну выбирает имя он, дочке – она. Когда пол ребёнка был установлен, она выписала в тетрадь все женские имена, но сердце не откликлось.

И вот, как-то не спалось, они с Адом вышли на папин балкон, тучи разбежались, Сириус заискрился, рассыпался на огненные буквы, из которых вдруг сложилось имя ИРИС.

– Видела? – спросил он.

– Ирис, – заморожено произнесла она, – цветок, похожий на райскую птицу.

– Не зря в детстве я выдираю зубы ирисками, – обнял он её.

«А я всё ещё не могу „выдрать“ его из сердца» – подумала Дарья и, испугавшись нахлынувших чувств, вернулась к чтению...

«... Многозначительно шевеля белесыми бровями, Кукиш сообщил молодой вдове, что судьба её решена по высшему разряду: пожизненная пенсия, ранчо, охрана!

– Кто станет на нас покушаться? – вздохнула Сара.

– Иногда даже мёртвые требуют сатисфакции, – ответил преемник мужа.

– Даже не знаю, как вас благодарить. Может, чаю? – растерянно предложила вдова.

– Приглашаю на ужин с шампанским, – щёлкнув каблуками, отдал ей Кукиш честь.

Но лучше бы он этого не делал: неизвестно откуда взявшиеся шипящие струи так вздули его кишечник, что единственным спасением было отступление.

– *Урчи, кишка!* – веселился Адрон. – *Диарея или репутация? Выбирай!*

– Извините, забыл, дела, надо бежать, – зачастил Кукиш, отступая трусцой.

– Странно, – подумала ему вслед Сара, – всегда такой павлин, и вдруг...

И ещё, диво дивное, игристым вином побежало по венам незнакомое прежде чувство.

Так не может чувствовать себя вдова.

Но она чувствовала!

Хотелось смеяться и петь!

Адрон насторожился.

Знал по себе: жажда любви толкает к предосудительным поступкам.

Ревность тоже!

Глупец!

Чтобы родиться сыном президента, Сара должна стать женой Кукиша.

Зря!

Зря он поспешил с ураганом в его животе!

А теперь, иного выхода нет, надо ускорить распад старой президентской четы!..»

«Прости, Маргарет! Ничего личного! Развода требует его величество Сюжет! – философски заметила Дарья и! внезапно подумала, – может, и меня с мужем развёл кто-то там, Наверху, чтоб не заснуть в кино...»

*Любовь умножается делением...

Знакомые строчки показались не такими уж знакомыми...

«...Ритас – сторонник причинно-следственного хода жизни, зашел в тупик.

Его друг, офицер разведки, сообщил: Куш объявил войну соседней стране, чтобы найти там оазис алхимика, который из песка делает то ли золото, то ли топливо; а Кукиш намерен объявить мир. Чем не сенсация?

Информация насторожила.

Что-то не складывалось!

Думай, Ритас, думай!

Извилины сопротивлялись, выкручивались, крутили дули.

«Слово тележурналиста – ветер, слово романиста – топливо!» – сказал кто-то на ухо.

Разноцветные глаза журналиста произвели полусферические движения, сошлись у переносицы, где странные тени устроили трибуну для сомнительных заявлений.

Одна дамочка сочинила роман о Доноре – новом мессии...

А ты напиши роман о лже-доноре – спасителе мира!

– Ещё чего?! – возмутился Ритас.

Тени исчезли.

Вместо них в районе третьего глаза появился розовощёкий эмбрион, который, подмигнув ему, влетел в мозг, плюхнулся в извилины, панибратски двинул пяткой в лоб: *Учись, как, не успев родиться, можно попасть в роман!*

Сигара пыхнула в похожих на сардельки пальцах Ритаса, сплюнула горку пепла на брюки, и он! удивляясь себе, покорно навис над клавиатурой ноутбука, указательным пальцем наступал: *Донор. Роман. Предисловие.*

«Предисловие» стёр.

Он ненавидел предисловия, как и посвящения.

Кукишу, который завёл нас на Эверест, заблудился, вследствие чего я отморозил задницу, посвящаю! – развеселился эмбрион в районе третьего глаза.

Выйдя из подчинения, указательный палец вновь нашлёпал: *Предисловие.*

Дальше пошло-поехало, всё против воли...

«Запах тления витал в воздухе, пропитывая его поры. Скелеты стволов и листьев рассыпались в прах при первом прикосновении ветра. Обезвоженные камни превращались в песок. Глория была устлана шкурами истаявших животных. И только люди, чьи языки стали похожими на куски асфальта, ещё боролись за жизнь. Безумные, они выстраивались в очередь к Донору, капля крови которого давала шанс пережить катаклизм, приловчиться к новым условиям.

Очередь растянулась на километры, и представляла собой странное собрание тел, прячущихся от нещадных лучей под козырьками пожелтевших газет, выгоревшими зонтами, душным войлоком редких шатров. Даже перед солнцем не было равенства у людей...

Метафоры собственного мессианства кружили Адрону голову, а разговоры о том, что хвост очереди пожирает поднимающихся на поверхность, тех, в чьих жилах уже текла *бесценная капля его крови*, не волновали: хладнокровие стало обратной стороной медали его благодетельства.

На почве взаимовыгодного попустительства в народе появились мужчины и женщины с острыми клыками, которые, провозгласив себя доверенными лицами, за космические гоно-

рары обещали достать «животворную влагу», но мало кого из богатых реципиентов оставляли в живых.

Кровь Донора, по капле разлитая в золотые сосуды размером с горошину, стала единственной конвертируемой валютой, более того, следуя алогичной теории: *любовь умножается делением*, из неё стали рождаться странные козлоногие клоны...

Отстукав многоточие, Ритас вперил в пространство одический взгляд, пытаясь увидеть циничного суфлёра: никого не обнаружил, лишь горка пепла на брючине съёжилась от страха перед химчисткой.

В тот же день, повинувшись чье-то злой воле, он покинул телевидение и приступил к работе над романом...»

***Мы в ответе за тех, кого сочинили...**

Дарья прочитала сцену на одном дыхании, подумала: очередь вампиров на экране может выглядеть впечатляюще...

К сожалению, зло вообще живописней добра.

И, что душой кривить, сочинить образ циничного писателя и его вылупившегося из мрака героя ей не составило труда.

А что, если...

Если мы отвечаем за тех, кого приручили, то... за тех, кого сочинили, тем более!

Ведь, если мысли материальны, то вполне вероятно, где-то реально существует вымышленный мир, и там... от нашего мудрствования кто-то конкретно страдает!

Мысль была такой неожиданно ясной, что захотелось поразмышлять над ней.

Но!

Задребезжал гостиничный телефонный звонок.

– Дарья Сойкина, – по привычке представилась она.

– О-о! – раздался в трубке шоколадный голос.

– Ошиблись номером! – хотела бросить трубку Дарья.

– Простите. Понимаю, слишком поздно...

– По-моему, слишком рано... – взглянув на настенный циферблат, показывающий пятый час, испорченным эхом отозвалась она.

– В гроте случился обвал... – горько заметил звонивший.

– Ой! Это вы? Абдалла ибн Абдель Сауд Аль Ахрам... – уткнувшись в визитку и не прочитав и половины имён, посчитала добрым знаком, что придуманный ею герой-алхимик является частичным тёзкой спонсора, категорически смолкла Дарья.

– Через полчаса рассвет, он здесь прекрасен, альтернативен смерти...

– Вы приглашаете меня на рассвет?

«*Мужчина, иронизирующий над вероятностью собственной гибели, достоин внимания...*» – трепетно забило сердце.

«Я за чеком с семью нулями приехала, а не романы крутить!» – категорически отвергла Дарья намёк на амур.

Но!

На свидание согласилась...

С пристрастием оглядела своё отражение в казённом зеркале, подкрасила губы, убрала чёлку со лба. В глазах что-то мелькнуло, похожее на свет. Нет. Показалось...

*Я слушал пение русалки...

Сказочный шейх ждал её у крыльца.

Хотя, почему сказочный?

Настоящий.

Без чалмы, шаровар, маслиновых глаз и ещё... чего она там придумала.

Очень даже из себя... ничего...

– Можно, я буду звать вас просто **Ахрам**? – спросила, зачем-то волнуясь.

– Храм в имени смущает меня, зовите лучше **Алик**, – предложил шейх.

– Лик в имени носится легче?..

– Если он не икона...

– На одного мужчину я уже молилась, – вдруг ни с того, ни с сего, призналась она.

– В одной группе со мной учился Ад Сойкин, вы его жена? – неожиданно, даже как ей показалось, с пристрастием задал вопрос шейх.

– Мы давно разошлись...

– В Синеморье у нас была практика, днём строили санаторий, а по вечерам на каменном утёсе я слушал пение русалки. Почти двадцать лет прошло, я вернулся, и вот... даже мечтать, не смел, что встречу на этом утёсе рассвет вместе с русалкой. Ведь это были вы? – как-то особенно посмотрел на неё Алик-Ахрам.

И она, будто вспомнив его ненавязчиво-сердечный взгляд, без страха и боли нырнула в прошлое...

– Я заплывала далеко-далеко, акустика до небес, слова и мелодии брались, сама не знаю, откуда...

Но догадка: *так вот почему!*.. заставила замолчать.

– Когда мне сказали, есть сценарий о жизни на Глории, а мой друг астрофизик вышел с этой планетой на связь, я подумал: это знак! и согласился спонсировать фильм, более того, предлагаю проводить съёмки в моём оазисе, тем более на днях намечен телемост, возможно, вам будет интересно? Простите, я, кажется...

– Я не сплю? – невольно дотронулась до руки шейха Дарья.

– А-мурр! – ревниво встал меж ними огромный, цвета розового винограда кот.

– Султан! – почтительно приветствовал его Алик. – Познакомься. Та самая Русалка. Мы ждали её с моря, а она спустилась с небес. Рад? Всё-всё, не крутись под ногами, вперёд!

Кот просигналил Дарье: *не колись!* пошевелил усами и, определив маршрут, вальяжной иноходью пустился по пустынной улице вверх.

«Султан сегодня чуть под машину не попал» – едва не выдала она его, но...

Не колись, так не колись!

В переводе с кошачьего: береги секрет пуще хвоста своего...

***Кто восход солнца увидит...**

Они поспешили за котом по грунтовой дороге. Дома ещё спали. Заборы были увешаны будто под диктовку написанными ядовито-яркими транспарантами: *СДАЮТСЯ КОМНАТЫ, ТУАЛЕТ ВО ДВОРЕ!* Из земли дыбились деревянные бляшки срубленных под корень сосен: парковки для машин уничтожили парки.

– А ведь райское место, – задумчиво заметил Алик.

– Хоть на минутку побывать бы в раю, – мечтательно подняла глаза Дарья.

И!

Картина сияющей серебром одинокой звезды на фоне разведённой молочной сывороткой глазури неба заставила её притормозить шаг.

– Венера, вестница любви, – остановился вслед за ней Алик. – А рай на земле в своё время пытался создать римский император Адриан, я даже как-то участвовал на раскопках Адриановой виллы, спустя тысячи лет есть чему поучиться. И, кстати, ваш бывший муж в честь этого императора изменил своё родное имя Андрей.

– Я не знала...

– Простите, это случилось на первом курсе...

– Император помог, Ад сделал себе имя именно на строительстве вилл, – махнув рукой Венере, прибавила шаг Дарья.

Алик решил помолчать...

Обогнув пригорок, улица распахнулась в бескрайнюю ширь.

Русалочий камень оказался перешагнувшим береговую черту, приземистым, с плоской вершиной утёсом, на который было легко забраться и безопасно там воссесть, рассматривая причудливые очертания горизонта.

С пристрастием оглядев владения и не обнаружив вражеского присутствия, Султан улёгся на самый край камня, церемониально уставился вдаль.

И вдруг из моря, отливающего серебристо-синеваой чешуёй, вынырнул хвост гигантского павлина. Полнеба стало палевым. Бледно-жёлтые с розоватым оттенком перья затрепетали в культовом танце.

Сватовство состоялось.

Не торопясь, и не медля, золотой диск солнца явился, чтобы дать жизнь новому дню.

– Спасибо! – только и смогла вымолвить Дарья.

– У нас говорят: кто восход солнца увидит, тому простится один грех, – смиренно склонил голову Алик.

Ей показалось: морская пена окрасила его виски.

И почему-то стало жаль его.

Амурр – поднявшись, благосклонно посмотрел на неё Султан.

– А теперь к Джину, – потрепал кота по загривку Алик, – думаю, утренний кофе сейчас в самый раз...

Султан воспринял его слова как приказ, хитро прищурился, спрыгнул с камня и, круто изменив маршрут, вприпрыжку помчался по берегу.

– Там, за поворотом, кофейня в скале, – объяснил его прыть Алик. – А скала – осколок горы Ра, которая возвышалась над чёрным озером, которое после потопа стало морем. Мой отец был уверен: именно к этому берегу причалил Ной...

– Ваша подводная гостиница, случайно, не «Ковчег» называется? – попала под его настроение Дарья.

– Угадали.

- А Джин, к которому мчится Султан, кто вам?
- Сейчас сами поймёте...

*Узники замка Миф...

Кофейня состояла из похжей на шатёр пристройки и естественного грота, где на каменном полу стояли мангал с песком, стол с медной утварью; рядом из скалы по отводу вытекала родниковая вода.

Рядом с источником спиной к двери стоял мужчина в синих атласных шароварах, майкельняшке, с затейливой чадрой на голове.

Он обернулся на голоса и! от нескрываемой радости остолбенел, заголосил: *Жив! Море вскипело! Султан сбежал! Мукдар сказал: мистика...*

– В гроте рухнула стена. Открылась пещера, обтянутая татуированной кожей. Сотворение мира в картинках. Хотел сфотографировать, а тут, откуда ни возьмись, вода. Еле ноги унёс. Но всё хорошо. Приготовь наш пиратский кофе, моя гостья всю ночь не спала, – пассами рук, успокоил колоритного хозяина кофейни Алик.

– *Амурр!* – широко зевнув, засвидетельствовал сказанное Султан.

– А ты!.. чтоб больше!.. без самоволок!.. – шикнул на перса хозяин.

Окончательно накалил ситуацию телефонный звонок.

– Даша! Ты жива? Что там у вас? В новостях объявили: подводная гостиница взорвана. Халиф убит! А я, старая дура, разрешила Ирис... она часа три, как должна быть у тебя. Если что с вами, я умру! – на одном дыхании выпалила и трагично замолчала АЭС.

– Не расстраивайся, все живы! И с Ирис ничего не случилось, я бы почувствовала, – отойдя в сторону, попыталась успокоить тётушку Дарья.

– А спонсор, точно, жив? А то папа Карло звонил: фильму конец! Всё пропало!

– Жив! И передай Карлу Марковичу, снимать фильм мы будем в настоящем оазисе. Остальные сюрпризы... при встрече.

Отключив связь, Дарья встретила взглядом с застывшим в проёме шатра юношей. Он был одет в потрёпанную скорее не от скитаний, а оттого, что кто-то поиграл с ней в детскую игру «голландский сыр» хламиду. На голове гнездом тюрбана свился знакомый шёлковый шарф.

– Кто вы и что вам надо? – заподозрил в незнакомце «взрывателя» Джин.

– Я узник, сбежавший из замка Миф, – нарочито хриплым голосом представился юноша.

– Позвони АЭС, она с ума сходит! – одновременно обрадовалась появлению и огорчилась несуразному виду дочери Дарья.

– Не сдам я этот ПЖ! – обречённо размотав тюрбан, потрянул копой пшеничных волос «узник».

– Кто такой, этот ПЖ? – с еле сдерживаемой улыбкой поинтересовался Алик.

– Психологический жест, – движением плеча сбросила хламиду Ирис. – У белых акул язык общения – телодвижения. Актёры тоже должны уметь говорить без слов...

– Про белых ворон слышал, про белых акул – век учись! – встал и, заказав Джину: к кофе всё, что-нибудь съестного для юной гостьи, пожалуйста, придвинул к столу третий стул Алик.

– Спасибо! Когда голодная, я никакая, – с немим вопросом посмотрела на мать Ирис.

– Познакомься, наш спонсор, – с ударением на местоимение *наш*, внесла ясность в ситуацию Дарья.

– Ирис! – благосклонно опустила глаза дочь, и в один момент забыла о тормозах, – а вы? Я почему-то думала, вы старый, толстый, какой-нибудь ибн Аль-Хасан Сулейман и так далее...

– У меня двенадцать арабских имён, и одно русское Алик, можешь звать меня так, – сделал вид, будто не заметил её бестактности спонсор.

– Буду звать вас Аль Алик! – спохватившись, благодарно кивнула ему Ирис.

– Так меня ещё никто не звал, – ободряюще улыбнулся ей не похожий на визиря из арабских сказок шейх.

– Прошу прощения, для дорогих гостей скатерть из бамбука, целебная вода из горного источника, орешки из заморских стран. Для юной красавицы яйца пашот будут готовы через пять минут, – подъехал со столиком-гарсоном Джин.

– Кофе из Танзании, какао с Берега Слоновой Кости, – выразительно посмотрел на него Алик.

– И листик неудобопроизносимой травы из Индии, – шевеленьем бровей надвинул глубже чалму на лоб Джин и, заметив Султану, – не крутись под ногами! – увёз столик к мангалу.

***На Глории ждут конца тьмы...**

– Ты не верила мне, а Глория на самом деле существует, – в надежде подтолкнуть Алика к разговору на более интересующую её тему, обратилась к дочери Дарья.

– В самом деле? – снисходительно уточнила Ирис.

– Более того, один мой знакомый астрофизик установил с глорианцами связь, – доверительно проинформировал её Алик.

– Правда? – зачерпнула горсть фисташек она. – И что они?

– Первым делом спросили: почему мы, земляне, ждём конца света...

– А они чего ждут? – машинально вернула орешки на место Ирис.

– Конца тьмы! – как само собой разумеющееся сообщил Алик.

– Ирий прав: мир един, но биполярен! Земля – Глория, Тьма – Свет!

– Обычно говорят: дуален, – поправила дочь Дарья.

– А вот и нет! Дуализм, значит, разъединение, два независимых друг от друга начала: материя и дух! А биполярность – два в одном! Два полюса одной Земли, две стороны одной медали, плюс с минусом в одной батарейке, аверс с реверсом в одной монете, блеск и нищета в одном человеке! – горячо отстояла свою позицию Ирис.

– И случится чудо, биполярное расстройство излечит людей от запредельного эго, – попыталась снизить градус полемики Дарья.

– Тогда, Аль Алик, поинтересуйтесь, почему у мамы в романе два донора? – не сдалась дочь.

– Два? – с трудом сдерживая улыбку, посмотрел спонсор на Дарью.

– Один свою кровь продаёт, его сочинил Ритас, справа налево Сатир, из низших божеств, – сбивчиво попыталась она объяснить логику появления двойника.

– У маминога Донора, предыстория тоже не фонтан! – с хитрецей продолжила Ирис. – Но я, вернее, моя героиня перевоспитает его: потому что человек – это то, что ему сказали, в чём убедили! Так, или не так?!

– Так! – вполне серьёзно подтвердил Алик. – Но, чтобы кого-то в чём-то убедить, нужны не только слова...

– У меня по сценарию папа мудрец и алхимик, который превращает песок в вечное топливо, за что его хотят убить, – с гордостью заявила Ирис и, вдруг, раненая внезапной мыслью, растерялась, – выходит, на Глории, мамочка, живут не такие уж воины света?

– Были бы воинами, не воровали бы земных женщин, – защитила своё право на художественное обличение Дарья. – Помнишь, АЭС рассказывала, в их студии передачу снимали о женщине, чья дочь пошла в горы с группой студентов и пропала! Год искали, не нашли. А потом пропавшая ей стала сниться как наяву и рассказывать, что добровольно согласилась вернуться на Глорию, вышла замуж, родила сына и счастлива!

– Информация подтверждается... – задумчиво произнёс Алик.

– Какая информация? – приподняв брови, изобразила психологический жест крайнего любопытства Ирис.

– Несколько тысяч лет назад на Глории случился глобальный катаклизм, который заставил их покинуть планету. Многие из них переселились на Землю. Прижились здесь, особенно женщины, которые стали лечить людей заговорами, травами, а их за красоту и ум почти всех признали ведьмами, и сожгли на кострах. Теперь их дальних родственниц по крови глорианцы возвращают домой, и думают, что это справедливо, – почтительно поднял взор кверху Алик.

– Эксклюзивный пашот, и кофе по рецепту неустрашимого шейха, – подкатил Джин столик-гарсон с шаровидными чашками, над которыми вился густой аромат кофе, приправленный шоколадом с чуть пряным оттенком неведомых трав.

Но!

Как только на стол была выставлена тарелка с яичницей, в кофейне появился шофёр Алика.

– Господин, с оазисом наладилась связь. Там возникли дела. Срочные!

– Прошу прощения, рад был познакомиться, надеюсь, вечером встретимся здесь, продолжим наш космический разговор, – с трудом сдерживая досаду, поднялся Алик и, заказав Джину столик на вечер, покинул шатёр.

Мирно дремавший у входа перс, степенно последовал за ним...

***Что в раю, что в аду, одинаково...**

- А теперь спать! – покончив с кофе, поднялась Дарья. – Я всю ночь...
- Всю ночь... с Аликом?! – подхватила за ней дочь. – То-то я заметила, он на тебя запал!
- Не на меня, на Русалку, которую выдумал, – прихватив ролевою хламиду дочери и кивнув Джину, направилась к выходу Дарья.
- А без выдумки люди примитивные варвары! Правда, Джин? Пашот был, что надо! – церемониально поклонилась хозяину кофейни Ирис.
- До вечера, – снял, сдул невидимую пылинку и снова водрузил на голову чалму Джин.

- Ты так увлечённо говорила о биполярности мира и человека, что я подозреваю... – выйдя из кофейни, подставила лицо нежным солнечным лучам Дарья.
- Да, появился такой человек! И у нас учится, и на режиссёрских курсах. Недавно короткометражку снял, хоть на международный фестиваль посылай! О биполярности рая и ада. Представляешь, оказывается, что в раю, что в аду одинаково! Стоит стол. На столе разные яства. За столом сидят люди. У них в руках ложки с длинными-предлинными ручками: что ни зачерпнёшь, всё мимо рта пронесёшь...
- А биполярность в чём? – вздохнув: *прости, солнце!* вернулась к земным делам Дарья.
- В том, что в раю люди кормят друг друга, поэтому сыты и веселы. А в аду, еду мечут мимо ртов, поэтому все голодные, злые и по уши в помоях! Вот! И этого человека, не поверишь, зовут Рай, по паспорту Ирий! – с явной гордостью сообщила Ирис. – Кстати, я дала ему почитать твой сценарий. Он согласен!
- На что, согласен? – ускорила шаг Дарья.
- Быть режиссёром нашего фильма, – включила *лису* дочь, – а если не он, то и не я!
- Давай оставим этот разговор до выяснения, что за дела у Алика, – повернула в сторону гостиницы Дарья.
- На твоём месте я бы влюбилась в него! – поспешила за ней Ирис. – Хотя бы из любопытства...
- Какая же ты ещё маленькая...
- Мам, ты отдохни-поспи, а мне АЭС позвонить надо, и вообще... осмотреть окрестности хочется, – виновато и одновременно отважно вступилась за свои взрослые права Ирис.
- Если ты приехала не одна, вечером познакомь меня со своим... Раем, – пришла на помощь дочери Дарья.
- Ты лучшая мама на свете! – прозвучало в ответ...

* Люди хотят чудес...

...В номере Дарья упала на кровать как подкошенная, думала, моментально уснёт, но... не тут то было. Мысли выползали гурьбой, будто змеи из головы горгоны...

Ирис явно идеализирует этого Ирия...

Мне тоже когда-то казалось, Адриан лучше всех...

А то, что его кумиром был император, не знала...

Что, вообще, мы знаем о других...

Если в себе разобратся не можем...

Не говоря уже о планетах...

Повертевшись с боку на бок, Дарья всё же заснула.

Обрела невесомость.

Очугилась в странном саду: на ветках деревьев росли разносезонные плоды, на клумбах благоухали неведомых сортов цветы, пели бабочки, жужжали пчёлы.

Она не шла, будто плыла, и вдруг зависла над земляничной поляной.

– Добро пожаловать на Глорию. Я Ева. А ты кто и откуда? Угощайся, – протянула ей кузовок с душистой ягодой неизречённой красоты женщина.

– А я автор Донора, живу на планете Земля, – робко протянула за земляничкой руку Дарья.

– С помощью Адрона хочешь улучшить людей? – сочувственно спросила Ева.

– Надеюсь. Может, хоть кто-то... – попробовала ароматную ягоду Дарья.

– Две тысячи лет назад Иисус открыл людям десять заповедей светлого бытия, а они пропустили его уроки мимо ушей. Многие и сейчас не знаний хотят, а чудес!

– Мой Адрон не гуру, сам будет учиться, может, кого-то ещё подтолкнёт...

– Ты права, Земля – школа для трудных подростков, – опрокинув кузовок, высыпала на поляну оставшуюся землянику Ева.

– А Глория? – увидев, как ягоды без толчеи вернулись к своим плодоножкам, потеряла дар речи Дарья.

– Академия мудрецов, – иронично улыбнулась Ева, – познакомлю тебя с ними, когда явишься в гости...

– В г-о-с-т-и-и-и? – недоверчивым эхом откликнулась Дарья.

И с бешеной скоростью ухнула вниз.

Проснулась.

Ни Евы, ни кузовка с земляничкой...

Поняла: теперь ни за что не уснуть!

Потянулась к рукописи...

***Песок в пустыне больше чем песок...**

«...Ахрам разговаривал с отцом даже тогда, когда его не было рядом, и знал, что отец найдёт способ ответить ему. В этом знании было родство их душ, алхимия любви, заговор крови. Грубое пространство даже не пыталось возвести между ними преград, но отцу пришло время вернуться в тонкий мир.

Вечерело. Казалось, нанятый тьмою киллер выстрелил в солнце, и оно, раненое, неловко падало за горизонт, окрашивая песок пустыни кровью.

То был знак!

Сердце Ахрама сжалось.

Песок в пустыне больше чем песок!

В глубоких шахтах под землёй, построенных сотни лет назад его предками, находились лаборатории, цеха, заводы, где рождалось неистощимое топливо.

– Запомни, сын, «Бог есть Любовь», не просто фраза, – однажды сказал отец. – Корневые частицы мироздания обладают полом, совокупляясь, они производят на свет новую жизнь, яркий тому пример: термоядерный синтез на Солнце, где в результате соединения двух ядер водорода рождается гелий...

Тогда он был ещё не стар, исполнен сил, казался волшебником. Даже имя отца, Ахол, что означает «без желчи», сын произносил с гордостью.

Ещё бы, этот человек открыл ему мир!

Когда, ребенком, он расколол глобус, чтобы узнать, что там, внутри, отец не рассердился, не наказал его. Погладил по голове, сказал: только вандалы уничтожают творения Бога.

– Разве глобус Бог сотворил? – удивился Ахрам.

– Бог сотворил Глорию, а руки его сыновей эту бледную копию...

– Значит, люди... бледные боги?

– Подключи голову, думай!

Всегда это «подключи голову!»

Вот мысли и стали сначала подружками, потом невестами, женами, хотя... ему за тридцать, а он не влюблен ни в одну из женщин.

Тоже «заслуга» отца, сосватавшего ему верную спутницу – науку?

Никогда ещё Ахрам не чувствовал себя таким одиноким.

Сердце скулило, как выброшенный на улицу щенок.

Он распахнул окно в сад.

Цвёл миндаль, в горьковатом его запахе витал дымок реторт алхимиков всех времён...

*Щенок под левой лопаткой...

– Господин, вас спрашивают, – нарушил тишину домоправитель Ришар.

– Кто?

– Женщина.

– Как она могла попасть в оазис, и что ей нужно?

– Помощь.

– Помощь? Что ж, дай ей денег, и пусть уходит, – закрыл окно Ахрам.

Щенок в груди обиженно топнул лапой.

– Извините, ей нужно молоко, пелёнки...

– Она с ребёнком?

– С автобусом новорождённых.

– Пусть войдёт.

С тех пор, как не стало кормилицы, Ахрам не видел близко женщин.

Мать умерла при родах.

Отец вскормил в нём навыки исследователя.

И сколько помнил себя, с детства он что-то извлекал, за чем-то наблюдал. Каждая минута была расписана. Ели два раза в день, за столом подавали мужчины. Врачи, повара, уборщики – все мужского рода. Возможно, так отец ограждал себя и его. От чего?

– Простите, не могли бы вы помочь, – услышав мягкий голос, обернулся он.

Перед ним стояла молодая женщина. Высокая, стройная. С копной волос цвета золотого песка, зелёными, словно яблоки райского сада (берегитесь, Адамы!) глазами.

– Мне сказали, у вас дети, – растерялся Ахрам.

– В столице разбомбили роддом, кто-то бросил автобус с детьми у нашего офиса.

– Вы из «Серебряной луны»?

– Да.

– Чем я могу помочь?

– Приютить их, ещё лучше, усыновить, – с надеждой посмотрела на него девушка.

Свет и тень столкнулись над стеклянными сводами холла, разделив их. Гостья стояла, залитая солнцем. Грозовая туча поглотила Ахрама. И вдруг радуга повисла над их головами.

Знак!

– Если вы разделите эту участь со мной, – решительно произнёс он.

– Конечно. С радостью. Меня зовут Глория, – протянула руку девушка.

– Названы в честь нашей планеты, второе имя которой «Сияние», а я Ахрам, в переводе: «пирамида», – пожал её ладонь владыка оазиса.

– Со мной подруга Лори.

«Берегись женщины, которая носит имя примата» — пронеслась мимо тень, но ему некогда было разбираться с подсказкой небес.

Лёгкие, как бусинки, слёзы покатались по щекам Глории.

– Вы устали, – шагнул ей навстречу Ахрам. – Успокойтесь, ничто не грозит вам!

Щенок под левой лопаткой пустил горячую струю.

– Коз подоили, – вовремя сообщил Ришар...»

«Трудно будет актёру изобразить горячую струю» – улыбнулась Дарья.

Подумала: уж не будет ли просить Ирис роль Донора для своего, возникшего как ложка к обеду, друга, с которым, кстати, назначена на вечер встреча?

«Такой же, видно, не-формат, как мой Адрон!» – вздохнув, вытащила из папки новый файл Дарья...

*Дождь, мечтающий о капле воды...

«...В полёте душа Адрона наткнулась на большой палец правой стопы, отскочила в испуге, с расстояния увидела сандалию, усыпанную драгоценными камнями.

– Бог, что ли?! – возмутился эмбрион. – Родного сына на растерзание послал, меня растоптать решил...

– Ещё один узник темницы по имени Миф, – взглядом-сканером прошёлся по нему Бог и вдруг, подхватив на руки, задал странный вопрос, – а хочешь разорвать оковы ложных мифов?

– В ключья? Чтоб ни рожек, ни ножек?! – на всякий случай уточнил Адрон.

– Можно и так сказать...

– Тогда, что мне за это?

– Что попросишь...

– Машину! Женщину! Яхту, – запутался в желаниях эмбрион.

– Ты похож на дождь, мечтающий о капле воды, – вздохнув, ссадил его с рук Бог. – Встретимся, когда станешь дееспособным...

– И что тогда? – наострил похожие на жабры ушки эмбрион.

– Что попросишь, то и получишь! – поцеловал его в макушку Создатель. – Если сбросишь оковы...

– Так у меня ещё ни один бицепс не вырос! – тоном: *Ему молятся, а Он не понимает элементарных вещей!* заретушировал стремительную потерю веры Адрон...»

Я сошла с ума! – постучала себя по лбу Дарья.

Вложить свои мысли в уста Бога – верх наглости...

Или...

Пусть с этим теперь Ирий-Рай разбирается?

А у неё есть Ахрам.

И она уже соскучилась за ним...

За кем?

За алхимиком?

Или Аликком?

Где он?

Что с ним?

От реальности любых неприятностей можно ждать!

То ли дело, мир вымысла...

***Так бывает только в романах...**

Как за соломинку, Дарья ухватилась за файл: *Оазис*.

В который уж раз начала перечитывать...

«...Щенок в груди Ахрама вилял превратившимся в пропеллер хвостом, готовым поднять хозяина в полёт. Радуга – их общая с Глорией аура, сделала его счастливым, хотя уже третий день он видел девушку мельком: струящийся песок волос она заточила под белую косынку, улыбочивую зелень глаз укрыла под густой тенью ресниц.

Её напарница из «Серебряной луны», наоборот, то и дело попадалась на глаза, рассыпалась в благодарностях, задавала наивные вопросы, строила глазки, то есть, всеми силами демонстрировала чувственную заинтересованность.

Но его сердце сразу и навсегда было отдано Глории с детьми, которые вдруг разболелись.

«Отец, ты растил меня, лечил, ставил на ноги, подскажи, что делать, иначе я потеряю и детей, и счастье» – выбрал он время для молитвы, когда солнце садилось за горизонт, чтобы испечь хлеб завтрашнего дня.

Одно из перистых облаков отстало от солнечной свиты, опустилось, шепнуло на ухо заветный рецепт.

«Спасибо, отец!»

Алхимик поспешил в зал, отведенный под детскую комнату.

– Глория, ваше мужество не имеет границ, и всё же пора вам отдохнуть, а мы с Ришаром позаботимся о малышах...

Они встретились взглядами. В смущении она стянула с головы косынку: аромат ромашковой поляны на миг помутил его разум.

– Утром дети будут здоровыми, обещаю!

Кажется, она поверила ему...

Всю ночь алхимик с Ришаром не сомкнули глаз, следуя советам Ахола-облака.

Утром дети были здоровы и спали, спали...

– Вы, волшебник, – зачарованно посмотрела на хозяина оазиса Глория.

– От волшебницы слышу, – превратился в мальчишку Ахрам, отчаянно смело предложил, – выходите за меня замуж!..»

Так бывает только в романах.

В мыльных операх.

В...

В жизни мало с кем случается.

Алик не в счёт!

Он просто спонсор.

Хотя реально человек удивительный...

И хватит о нём!

Пора перечитать, как появилась на свет дочь алхимика Ирис...

***Жизнь холодный термоядерный синтез...**

«...Такого с ним ещё не было: задремать в лаборатории, вернее, провалиться в сон, нереальную реальность, в которой он чувствовал яркий жар солнца, хруст песка под ногами, посвист шара колючего чертополоха, на глазах превратившегося в шипящий клубок змей. Он спешил, ему было не до аспидов, а они росли, множились, наливались злобой. И только когда пятиметровая кобра выскользнула из огромного клуба, обвила его, укусила, и яд устремился к сердцу, он заставил себя проснуться.

Ахрам потёр ладонями виски, встал, подошёл к окну. Песчаные змеи ползли к его дому. Ветер подгонял их, они выкручивались, сопротивлялись, но всё же ползли.

Плохая примета!

Из бархана вынырнул серебристый джип Лори.

Теперь понятно...

Вспомнился день, когда Глория призналась, с каким заданием явились они с подругой и детьми в его оазис. А он благословил злой умысел, подаривший ему женщину его мечты. Обещал открыть секрет неиссякаемой энергии, когда уверится, что люди не используют её для самоуничтожения. И тогда она придумала ему спасительную роль чудаковатого учёного, в прямом смысле строящего планы на песке...

– Атомы кварца разнополюсы, их любовь рождает вечную энергию, – заявил он недавно Лори.

– Люди трахаются – рождаются дети, атомы... – недоверчиво посмотрела она на него, но, вспомнив вывод засекреченного учёного о том, что жизнь – результат холодного термоядерного синтеза неведомых частиц, рванула в столицу, докладывать...

О правах на детей за год никто не заявил, он оформил усыновление.

А скоро Глория подарит ему...

Он знал, будет дочь.

И был горд! Хороший знак: в оазис возвращаются женщины...»

Дарья закрыла глаза.

Сцена убийства Глории далась ей нелегко.

Вернее, совсем не далась.

В жене алхимика она неожиданно обнаружила собственную глубоко спрятанную веру в неземную любовь, и растерялась. Открытие привело её в отчаяние. Она думала, что покончила с наивными ожиданиями, обросла колючками, уподобилась кактусу опунции, стреляющему в обидчиков шипами.

Впрочем, обижаться себе она запретила, так, иногда. А когда припекало, бросала горькое разочарование в топку мозга, надеясь выплавить что-то обнадёживающее, типа: зло – прелюдия добра.

Возможно, и Творец посылает людям смерть ради дальнейшего развития сюжета.

Радеть о нравственности окружающих – бесполезная добродетель!

«Всех, кто использует слово „любовь“ как оправдание гормонального безумства, привлекать по статье: мошенничество!» – пронеслось в голове.

Дарья открыла глаза: от себя не сбежишь.

Убила Глорию, возвращайся на место преступления...

*Слонёнок по имени Моё Большое Счастье...

«...Занавеска из бамбуковых палочек исполнила сухую, беспорядочную дробь. На веранде появилась взволнованная Глория, кивнув подруге, умоляюще посмотрела на мужа.

– По телевизору показали, в зоопарке родился слонёнок, а слониха умерла, не мог бы ты послать за малышом?

– За слонёнком? – удивился Ахрам.

– Может, это причуда, но... это первая моя причуда.

– Замечательная идея, устроим ему в роще ясли, а подрастёт, станет нашей дочке защитником, – сжалось, заскулило как осиротевший щенок сердце алхимика. – Сейчас же займусь... условнолением, – поцеловал он жену в висок, подумал: заодно вызову врача-акушера.

– Спасибо, мне стало спокойнее...

Проводив мужа, Глория призналась подруге, что выходит из игры...

– А он, – кивнула вслед ушедшему алхимику Лори, – знает?

– Да, и за нашу встречу готов рассекретить устройство кварцевого ускорителя, ой!

– Что?

– Кажется, началось, – согнулась от резкой боли Глория, – позови Ахрама!

– Тише, я помогу тебе, – подхватила отступницу Лори, – а твоя дочь поможет мне.

Электронная почта результативнее заклинаний древних жрецов.

Ахрам связался с директором зоопарка, убедил его продать слонёнка за сумму пятилетнего содержания остальных животных, договорился о перевозке ценного груза, заручился согласием военной комендатуры.

В перерывах между вопросами и ответами сочинял идиллические картины...

Вот трейлер с дорогим грузом заворачивает в оазис. Они с Ришаром помогают слонёнку выбраться, проводят его меж молодых деревьев в загон, полный растительных яств. Ришар поит его кокосовым молоком, а он, Ахрам, торопится порадовать Глорию.

– Дорогая, слонёнок по имени Моё Большое Счастье прибыл, мечтает с тобой познакомиться!

– Нам следует ещё прикупить коз, Мо Бо необходимо молоко, – с благодарностью смотрит на него жена, и... тает, превращаясь в перламутровое облако.

Смутную тревогу спугнул заработавший факс: военное начальство прислало пропуск для новорождённого слона.

Ахрам заторопился показать его Глории, и вдруг услышал металлический голос Лори, застыл, не поверил услышанному.

– Доложите господину, его жена умерла при родах.

– Час назад я видел госпожу, она была здорова и счастлива, – не поверил известию Ришар.

– Пять минут назад Глория покинула нас, – прошипела Лори в ответ.

– Почему вы не позвали Ахрама? – закричал старик.

– Роды начались неожиданно.

– Но я не слышал ни звука...

– Не кричать её учили в разведшколе, – краем глаза увидев появившегося в арке алхимика, заявила Лори, – к тому же малышка появилась на свет так стремительно, что я не успела позвать на помощь, сама обмыла, запеленала её. Хорошо ещё, успела показать дочку Глории, умирая, она сказала: теперь я её мать.

Походкой слепого направился в медицинскую комнату Ахрам.

Краски жизни ещё не сошли с лица Глории, в глазах ещё жил протест.

– Прости.

Он взял её руки, согреть их было уже невозможно.

Она бы не умерла, если бы я был рядом...

Она бы не умерла...

Не-е-е-ет!

В соседней комнате раздался детский плач.

Ахрам мигом оказался рядом с дочерью.

Новорождённая удивлённо посмотрела на него, выразительно почмокала губами.

– Кажется, она просит молока, – растерялся он.

– Козы подоены, – прошептал Ришар, кивнул в сторону Лори, – но она приказала кормить девочку искусственным молоком...

– Приказала? – повторил Ахрам, пытаясь перекрыть звон в висках, – не спускай мою дочь с рук, а с ней... разговор будет коротким!

– Желание покойной закон, – приняла вызов Лори, – Глория хотела, чтобы я заняла её место.

– В моём оазисе не место чужим законам!

Если бы глаза умели стрелять, Ахрам разрядил бы обойму гнева в ненавистную, подозреваемую им в тяжком грехе женщину.

– Девочке нужна мать!

– Но не убийца! – побледнел алхимик.

– Опомнитесь, Глория была моей подругой!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.